(cc) BY

Лавицкая Марина Ивановна
д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
г. Москва

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация*: в статье проанализирована защита прав несовершеннолетних в отечественном уголовном законодательстве до середины XIX века. Автор пришел к выводу, что её уголовно-правовая регламентация развивалась эволюционно, и в процессе этого произошло не только изъятие дел о преступлениях против детей из церковной юрисдикции с передачей их в государственную, но и постепенное сокращение силы родительской власти с одновременным усилением мер государственного и общественного контроля за особенностями семейного воспитания и соблюдением прав ребенка. Интересы несовершеннолетних не только постепенно стали самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, но и произошло разграничение ответственности за преступления против несовершеннолетних, совершенные лицами, ответственными за их воспитание и содержание, и другими субъектами таких преступлений.*

Ключевые слова*: преступления против несовершеннолетних и семьи, преступления против развития несовершеннолетних, преступления против семьи и прав несовершеннолетних в ней, уголовно-правовая охрана детей.*

Исследование опыта уголовно-правового регулирования преступлений против несовершеннолетних имеет не только сугубо теоретическое значение. Оно позволяет проследить истоки современного уголовного законодательства, воспринять прошедшие проверку временем нормы отечественного законодательства прошлых эпох в том случае, если они пока не были востребованы со-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

временным российским уголовным законодательством, но отличались должной юридико-технической проработкой, в силу чего могут быть полезны и современным правоприменителям. Наконец, изучение эволюции (или инволюции) права в некоторых случаях позволяет выявить его магистральные направления развития, которые могут стать весьма перспективными и для нынешнего уровня уголовного права как отрасли российского законодательства. Современные исследователи также признают значимость изучения проблематики в историко-правовом аспекте, подчеркивая её важные функции: сохранение исторической преемственности и избавление от устаревших механизмов правового регулирования [6, с. 132]. В связи с этим представляется необходимым изучение защиты прав несовершеннолетних в отечественном уголовном законодательстве в исторической ретроспективе.

И.Н. Туктарова в своей работе обоснованно утверждает: «Идея правовой защиты несовершеннолетних развивалась постепенно, на протяжении многих веков, вместе с теорией уголовного права и в рамках развития законодательства» [12, с. 8]. Некоторые исследователи, уделяющие внимание этой теме, хронологически делят историю установления и эволюции данного законодательства на три периода, не прибегая в данном случае к более мелким градациям в периодизации: дореволюционный период нашей истории, выделяя в нем имперский и доимперский периоды, и относя последний к становлению ответственности за преступления против несовершеннолетних, начавшемуся с X века. Особняком, по мнению этих исследователей, отстоит советский период, когда дореволюционная правовая традиция оказалась радикально прервана, а качество юридической техники при подготовке и разработке нормативно-правовых актов – значительно ухудшилось. Такую периодизацию, в частности, предлагает Ю. Детинина, подчеркивая активизацию интереса к данной проблематике представителей властных структур в каждый из них [4]. Тогда как другие исследователи при рассмотрении и анализе этих вопросов в исторической ретроспективе в качестве критерия выдвигают, скорее, уровень законодательной техники нормативно-правовых актов в вопросе обеспечения прав несовер-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

шеннолетних уголовно-правовыми средствами. Так, Ю. Пудовочкин выделяет по такому критерию четыре периода, первый из которых (подготовительный) исчисляет с X века до середины XIX века, институционализацию норм, регламентирующих ответственность несовершеннолетних, он относит ко второму периоду, длящемуся с середины XIX века до 1917 года, затем, с его точки зрения, тоже наступает третий период, характеризующийся образованием правовых лакун в этом вопросе, провалом в юридической технике, оказавшимся не преодоленным и при принятии УК РСФСР 1960 года. Этот период, в течение которого специальная глава, защищающая права несовершеннолетних, так и не была создана ни в одном из советских кодексов, продлился до введения в действие УК РФ 1996 года. ознаменовавшего наступление четвертого периода [8, с. 18].

Специфика начального (или, в другой трактовке, подготовительного) периода характеризуется отсутствием юридически закрепленных норм, регулирующих ответственность за преступные деяния против несовершеннолетних. Исследователи, пытаясь найти причины сложившейся ситуации, говорят о сохранении действия норм обычного права, на тот момент не все из которых подверглись письменной фиксации, оставаясь в памяти населения, которое могло напомнить князю, осуществлявшему правосудие, о возможности применения того или иного обычая в конкретной ситуации [9]. В случае же пробельности положений обычного права, такие лакуны вполне могли быть восполнены княжеской волей, выраженной при постановлении решения по делу. В дополнение к этому можем добавить, что, на наш взгляд, отсутствие уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против несовершеннолетних связано с низким правовым статусом, а также минимальной социальной и трудовой ценностью самих потерпевших, воспринимаемых в качестве хорошо возобновляемого, бесплатного ресурса. М. Гернет отмечал, что инфантицид для славян был вполне допустим [3, с. 337]. Н. Карамзин считал, что возражения у них могло вызвать только убийство детей мужского пола [5, с. 111], тогда как убийство матерью новорожденного ребенка женского пола было никак не нака-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

зуемо. Дополняя его мысль, отметим, что, по-видимому, сохранение мальчиков имело значение для продолжения рода и военных операций.

Несмотря на отсутствие специальной уголовно-правовой защиты, тем не менее, встречающиеся в практике дела (производство аборта, рождение незаконнорожденного ребенка и/или его убийство, избиение или убийство родителей детьми) были подведомственны органам церковной юрисдикции, рассматривающих дела на основании церковных уставов первых русских князей. Нам представляется, что отсутствие криминализации жестокого обращения с ребенком (в отличие от обратной ситуации применения насилия детьми по отношению к родителям) как одной из форм домашнего насилия, не связано с религиозными христианскими установками, не вполне органично воспринятых, по существу, во многом языческим социумом, а является проявлением общих тенденций, развивавшихся во всех патриархальных обществах, провозглашавших на определенном этапе своего развития власть отца абсолютной (например, в нашей стране это выразилось в появлении «Домостроя», в Риме – во власти pater familias и пр.)

В отличие от «Русской правды», не содержащей в качестве отдельного объекта охраны интересы несовершеннолетних, в период феодальной раздробленности действовали и другие нормативно-правовые акты, криминализировавшие отдельные деяния в этой области общественных отношений. Так, в Псковской и Новгородской судных грамотах [10, с. 93] преступлениями считался отказ предоставить содержание (помощь) родителям со стороны детей (ст. 53 Псковской судной грамоты, являющаяся прообразом современной ст. 157 УК РФ) и лишение наследства сыновей отцом. Однако убийство родителей детьми рассматривалось как квалифицирующий признак общего состава преступления «Убийство», влекущий назначение более строгого наказания, и не было криминализировано отдельным составом. М. Чугунова, отмечая наличие в Уставе князя Ярослава ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, тем не менее, приходит к закономерному выводу о неудовлетворительном состоянии защиты интересов несовершеннолетних уголовно-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

правовыми средствами, подчеркивая, что в период X–XIII веков в основном защищались их имущественные интересы, а правовая регламентация их прав шла в сфере наследственного и семейного, но не уголовного права [14]. Однако А. Бабичев отмечает сравнительно более мягкие наказания по древнерусскому церковному праву за детоубийство по сравнению с западноевропейскими, акцентируя внимание на том, что такие деяния воспринимались как нарушение нравственных норм, за которые предполагалось помещение в монастырь или трехлетняя епитимья [1].

В Соборном уложении 1649 г. впервые была предпринята попытка институализации этих норм и, по мнению А.Г. Бабичева, впервые проступил взгляд на детоубийство как на преступное деяние, а не как на грех [1]. Оно также сохраняло ответственность для детей, отказавшихся «докормить» родителей в виде битья кнутом виновных, а в случае обнаружения убийства детей исходило из мотива этого поступка. Намеренное умышленное совершение такого действия подлежало наказанию, но не в виде применения высшей меры, а в виде годичного тюремного заключения с публичным самооглашением в церкви такого поступка виновным в нем и последующим церковным покаянием преступника. Противоположная ситуация (убийство детьми родителей) не могло иметь каких-либо смягчающих вину оснований ввиду повышенной нравственной испорченности субъекта преступления и всегда наказывалось смертной казнью. Такая мера наказания должна была быть применена и по отношению к матери незаконнорожденного ребенка, решившейся на его убийство, «блудное» рождение ребенка свидетельствовало о её нравственной испорченности и отягощало её вину, как и лишение младенца благодати крещения и, из-за его отсутствия, надежды на вечную жизнь, что, по мнению дореволюционных криминологов, также принималось во внимание и в совокупности способствовало установлению за данный состав преступления самого сурового наказания [2, с. 5; 7, с. 47; 11, с. 122].

Родители (прежде всего, отец как глава семьи), представляя собой моральный авторитет по отношению к своему ребенку, имели перед ним только мо-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ральные, а не закрепленные в праве обязанности, в отличие от обязанностей детей перед ними, которые носили юридический характер. На родителей под угрозой битья кнутом было запрещено жаловаться (приносить челобитную) и доносить (кроме случаев совершения ими государственных преступлений: донос в таких случаях становился не только желательным, но и обязательным), тогда как к жалобам родителей было безоговорочное доверие, и наказание по ним следовало без проведения по ним проверок и/или следствия. В двадцать второй главе в ст.ст. 4–5 этого нормативно-правового акта было криминализировано также грубое обращение с родителями или их побои, беззаконное завладение их имуществом.

Правовые акты, принятые в эпоху правления первого российского императора (Артикул воинский 1715 г.), содержали более существенные наказания за детоубийство, санкция за совершение которого – квалифицированная смертная казнь: колесование – была уравнена с убийством родителей (арт. 163), однако случайное убийство ребенка («не нарочно, или не в намерении кого умертвить») в процессе «воспитания» или от его последствий рассматривалось как смягчающее вину обстоятельство, исходя из поясняющего примечания к этому артикулу. Этот петровский акт фактически вводит понятие «убийства по неосторожности» (оксюморон для современного уголовного законодательства, однако активно использовавшийся в советский период). Отсутствие умысла на совершение убийства (например, наказывающий не рассчитал своих сил и нечаянно убил ребенка при его избиении, последнее было прямо рекомендовано «Домостроем» в качестве воспитательной меры) служило фактором, смягчающим наказание. Анализируя этот акт, В.Б. Хатуев в качестве одной из его особенностей замечает его прогрессивность по сравнению с действующим параллельно с ним Соборным уложением в отношении неразличения особенностей правового статуса ребенка (законнорожденный или нет), характеризуя ее как отсутствие двойственности при применении к его убийце мер уголовной ответственности [13]. Указы Петра I №2856 от 4 ноября 1714 г. и №2953 от 4 ноября 1715 г. были направлены на общесоциальную превенцию такой пре-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ступности. Император-реформатор, проанализировав мотивы таких преступлений и обнаружив в качестве основополагающих из них даже не бедность и невозможность содержать ребенка, а стыд перед общественным мнением и боязнь огласки и позора, начал создавать систему воспитательных учреждений, в которые можно было отдать ребенка анонимно и инкогнито.

Изучение трудов криминологов показывает, что Г.А. Решетникова, говоря применительно к XVIII веку, что «само право наказания детей стало трактоваться как право наказания в целях воспитания» [9], все же выразилась не совсем корректно: скорее, оно продолжило трактоваться в качестве такового, исходя из давних традиций в этом вопросе и уровня общественного и индивидуального правосознания, вплоть до второй четверти XIX века, когда причинение телесных повреждений ребенку со стороны его родителей было, наконец, криминализировано в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Причем, по мнению Н. Таганцева, возможность смягчения наказания за убийство ребенка в процессе «воспитательного воздействия» побоями и наказаниями настолько массово и прочно укоренилась в общественном сознании, что законодатель в этот период вынужден был специально оговорить, что жизнь ребенка не принадлежит его родителям, и за ее отнятие они будут нести уголовную ответственность. Требует, по нашему мнению, уточнения позиция Г.А. Решетниковой, разделяемая М.В. Чугуновой, об уменьшении власти главы семейства над домочадцами к середине XIX века с постепенным переходом от патриархально-авторитарных семейных отношений к более гуманистическим. На наш взгляд, процесс был более сложен и не столь однозначен и во многом зависел от сословной принадлежности субъектов: наиболее консервативными сословиями были купеческое и крестьянское, где такие социальные регуляторы, как обычаи, традиции значительно превалировали над формальными юридическими установлениями, в силу чего подробная юридическая регламентация уголовно-правовой охраны прав несовершеннолетних, произведенная в 1845 году, оказала незначительное влияние на нравы, бытующие в

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

этой среде. Их видоизменение связано, скорее, с разрушением сословной структуры российского общества в целом к концу XIX века.

Итак, уголовно-правовая охрана, защищающая несовершеннолетних от преступлений против них, к середине XIX века развивалась эволюционно, и в процессе такого развития произошло не только изъятие дел о преступлениях против детей из церковной юрисдикции с передачей их в государственную, что продемонстрировало важность этой категории дел для государства, но и постепенное сокращение силы родительской власти с одновременным усилением мер государственного и общественного контроля за особенностями семейного воспитания и соблюдением прав ребенка. Таким образом, интересы несовершеннолетних не только постепенно стали самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, но и произошла дифференциация ответственности за преступления против несовершеннолетних, совершенные лицами, ответственными за их воспитание и содержание.

Список литературы

1. Бабичев А.Г. Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка / А.Г. Бабичев // Вестник ЧелГУ. – 2015. – №4 (359) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-stanovlenie-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-ubiystve-materyu-novorozhdennogo-rebenka (дата обращения: 15.03.2020).

2. Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве [Текст] / М.М. Боровитинов. – СПб.: Тип.-литография С.-Петерб. тюрьмы, 1905. – 29 с.

3. Гернет М.Н. Детоубийство по русскому праву / М.Н. Гернет // А се грехи злые, смертные... Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX в. [Текст]: в 3 кн. Кн. 1. – М.: Ладомир, 2004. – 938 с.

4. Детинина Ю.А. Развитие законодательства об ответственности за преступления против несовершеннолетних / Ю.А. Детинина // Политика, государ-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ство и право. – 2015. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://politika.snauka.ru/2015/01/2243 (дата обращения: 17.03.2020).

5. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1: От древних славян до начала монгольского нашествия [Текст] / Н.М. Карамзин. – М.: РиполКлассик, Де Либри, 2014. – 704 с.

6. Купирова Ч.Ш. Развитие уголовного законодательства о преступлениях против интересов несовершеннолетних в России дореволюционного периода [Текст] / Ч.Ш. Купирова // Вестник ЧГУ. – 2013. – №4. – С. 132–136.

7. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений [Текст] / С.В. Познышев. – М.: Т-во скоропечатни, 1912. – 516 с.

8. Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних [Текст]: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Ю.Е. Пудовочкин. – М., 2005. – 60 с.

9. Решетникова Г.А. История развития уголовного законодательства России о преступлениях против семьи и несовершеннолетних до 1917 года / Г.А. Решетникова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2005. – №6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-o-prestupleniyah-protiv-semi-i-nesovershennoletnih-do-1917-goda (дата обращения: 11.03.2020).

10. Российское законодательство X–XX веков [Текст]: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – М., 1984. – 432 с.

11. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву [Текст] / Н.С. Таганцев. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. – 524 с.

12. Туктарова И.Н. Уголовно-правовая охрана несовершеннолетних [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / И.Н. Туктарова. – Саратов, 2000. – 224 с.

13. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка / В.Б. Хатуев // Lex

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Russica. – 2019. – №1 (146) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo-materyu-novorozhdennogo-rebenka (дата обращения: 16.03.2020).

14. Чугунова М.В. История уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних / М.В. Чугунова // Вестник ЧелГУ. – 2010. – №19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ugolovno-pravovoy-reglamentatsii-otvetstvennosti-za-prestupleniya-protiv-semi-i-nesovershennoletnih (дата обращения: 14.03.2020).

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)